

30. Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности / Э. А. Стеблева // Российская повседневность, 1921–1941 гг.: Новые подходы. – М., 1995.
31. Такала И. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России / И. Такала. – СПб., 2002.
32. Трезвость и культура. – 1928. – № 3.
33. Трудовая правда. – 1925. – 4 января.
34. Трудовая правда. – 1928. – 16 июня.
35. ЦГАСО. – Ф. Р. 779. – Оп. 2. – Д. 2006.
36. ЦГАСО. – Ф. Р. 857. – Оп. 6. – Д. 106.
37. ЦДНИ СО. – Ф. 27. – Оп. 4. – Д. 40.

УДК 378(091)

Бюджеты времени как индикатор студенческой повседневности в советской России 1920-х годов

Рожков А. Ю.

Рожков А. Ю. Бюджеты часу як індикатор студентської повсякденності в радянській Росії 1920-х років. В статті досліджуються бюджети часу студентів радянських вищих навчальних закладів і технікумів у 1920-ті рр. як індикатор їхнього повсякденного життя. Представлені автором матеріали дозволяють судити про кількість часу, який витрачається щоденно студентом на навчання, суспільно-політичну роботу, додаткову працю і самообслуговування, господарсько-економічну зайнятість, дозволяють тощо. Автор статті прийшов до висновку, що у студентів 1920-х рр. спостерігалась велике сукупне перевантаження і невміння раціонально розподілити свій час. Це негативно відбилося на якості їхньої успішності і станові здоров'я.

Ключові слова: бюджет часу, студенти, повсякденність, 1920-ті

Рожков А. Ю. Бюджеты времени как индикатор студенческой повседневности в советской России 1920-х годов. В статье исследуются бюджеты времени студентов советских вузов и техникумов в 1920-е гг. как индикатор их повседневной жизни. Представленные автором материалы позволяют судить о количестве времени, затрачиваемом ежедневно студентом на учебу, общественно-политическую работу, вспомогательный труд и самообслуживание, хозяйственно-экономическую занятость, досуг и

т. д. Автор статьи пришел к выводу, что у студентов 1920-х гг. наблюдалась большая совокупная перегрузка и неумение рационально распределить своё время. Это негативно отражалось на качестве их успеваемости и состоянии здоровья.

Ключевые слова: бюджет времени, студенты, повседневность, 1920-е

Rozhkov A. Y. Time Budget as an Indicator of Students' Everyday Life in Soviet Russia of the 1920 s. This article discusses time-budgets of students of the Soviet institutions of higher and technical education in 1920's as an indicator of their everyday life. The sources researched by author shows the daily quantity of time devoted by a student to their studies, public and political work, auxiliary activities and self-service, business, and leisure. The author of the article comes to a conclusion that students of 1920's had substantial cumulative overload and they were not able to distribute their time rationally. It negatively influenced their studies and health.

The keywords: time-budget, students, everyday-life, 1920 s.

Исследования бюджетов времени* – оригинальное научно-прикладное направление социолого-статистических исследований, развивающееся с 1920-х гг. [16, с. 112]. По мнению специалистов, впервые в отечественной литературе термин «бюджет времени» появился в работе П. А. Сорокина «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп», опубликованной в Петрограде в 1921 г. Сорокин использовал его в двух основных современных смыслах. Во-первых, как метод получения количественной информации о повседневной деятельности, о затратах времени на те или иные виды деятельности, занятия («*бюджет суток*») с отметкой о «регулярности и нерегулярности» занятий. Во-вторых, как форму представления фактических данных об использовании временного пространства (фонда времени) на основные занятия, или, наоборот, как совокупность занятий, измеренных временем – собственно «*бюджет времени*» [4, с. 147].

Основное направление исследований бюджетов времени в 1920-е гг. связано с именем С. Г. Струмилина, первым в мире проводившим достаточно крупные обследования бюджетов времени среди рабочих и крестьян в советской России. Общей задачей этих обследований являлось изучение изменений в образе жизни – по сравнению с

* В Большой советской энциклопедии бюджет времени населения определяется как «система показателей, характеризующая распределение затрат времени (суток, недели, месяца, года) по видам его использования как отдельного работника (рабочего, колхозника, служащего и др.) и его семьи, так и определенной группы населения. Изучается путём проведения особых обследований, в процессе которых за определенный промежуток времени и в соответствии с принятой классификацией учитываются затраты времени (в ч, мин и затем в % к соответствующему фонду времени)» [6].

дореволюционным временем и с первыми годами советской власти. Затем логика анализа привела исследователей к необходимости рассмотрения бюджета времени разных групп населения, включая учащихся школ и студентов. Исследования на сравнительно небольших выборках исходили из практических целей улучшения использования учебного времени и времени отдыха под лозунгом движения за научную организацию труда [15, с. 242-243].

Обследования бюджетов времени студентов, как и других социальных групп, преследовали вполне прагматичную цель – выявить, насколько рационально распределяется студентами суточное время, чтобы не допустить перегрузки учащейся молодёжи, особенно её пролетарского и коммунистического сегмента. Мы будем использовать из этих материалов только те данные, которые позволят нам реконструировать некоторые черты студенческой повседневности и выявить основные приоритеты в распорядке дня «совокупного» студента. Данные обследования проводились по разным программам и в разных условиях; методики обследований не всегда были подробно описаны. Исследователи, проводившие эти обследования, обладали разным уровнем теоретической подготовки и практического опыта. Эти обстоятельства затрудняют приведение результатов обследований к общим показателям. В ряде случаев нам потребовалось применение метода вторичного счёта, позволяющего привести опубликованные результаты обследований к единой и удобной для нашего исследования форме. При этом автор статьи стремился с предельной точностью отобразить специфику *каждого* обследования, поскольку именно уникальность этих локальных данных позволит составить представление о бюджете времени совокупного студента.

Материалы, которыми мы располагаем, представляют результаты обследований бюджетов времени студентов 19 вузов, рабфаков и техникумов, проведённых в период с 1923 г. по 1927 г.* Обследования проводились в основном методом «самофотографирования». Студенты в течение недели заполняли специальные хронокарты, в которых скрупулезно отмечали продолжительность всех своих действий за сутки. Совокупное число студентов, подвергшихся обследованию бюджетов времени в указанных учебных заведениях, составляет более

* Наиболее подробная информация отложилась об обследованиях, проведённых в Пермском университете, на медицинских факультетах обоих Московских университетов, на педагогическом факультете 2-го МГУ, в Кубанском педагогическом институте, а также в трёх педагогических техникумах – московских им. Л. Д. Троцкого и Профинтерна, и подмосковном малаховском. Фрагментарные сведения имеются по коммунистическому университету им. Я. М. Свердлова, рабфаку им. М. Н. Покровского и 10 одесских вузах. Для удобства сравнения количественных показателей бюджетов времени мы привели их к единой форме, переведя минуты с шестидесятеричной системы числения в десятичную.

3030 чел. Принимая во внимание, что С. Г. Струмилин по бюджетам всего 76 рабочих составил бюджет времени русского рабочего, обследованную совокупность бюджетов времени студентов справедливо рассматривать как вполне репрезентативную. Мы сгруппируем результаты данных обследований по таким направлениям, как учебная нагрузка, общественная работа, вспомогательный труд и самообслуживание, хозяйственно-экономическая занятость, отдых.

Учебная нагрузка у студентов вузов была непомерно высокой, особенно если учитывать первоначально низкий уровень знаний и большую общественно-политическую нагрузку пролетарского студенчества. Среднее количество времени, ежедневно отводимое студентами на учёбу в будние дни, в разных учебных заведениях колебалось весьма заметно: от 5,5 ч. у московских педфаковцев до 7,5 ч. у студентов педтехникума им. Профинтерна, и примерно до 10 ч. у слушателей дневного отделения рабфака им. М. Н. Покровского. Нередко учебный день студента составлял и более 13 ч. в сутки. Эти показатели сильно зависели не только от специфики учебного заведения, но и от конкретного семестра (даже недели), когда проводилось обследование, от степени отдалённости зачётов и экзаменов, от методов обучения. На вечерних отделениях рабфаков учёбе отводилось примерно вдвое меньше времени, чем на дневных отделениях (на рабфаке им. Покровского, например, – 24% и 42,5% среднесуточного времени соответственно). Бюджеты учебного времени у разных студентов в разных вузах иногда резко отличались. На педфаке МГУ, где затраты времени на учёбу были отмечены как минимальные, академической работой менее 2 ч. в сутки были заняты примерно 3,5% студентов; от 2 до 4 ч. – 24%; от 4 до 6 ч. 38%; от 6 до 8 ч. – около 21%; свыше 8 ч. – 14%. По данным Д. И. Ласса, умственным трудом в обследованных им вузах занимались ежедневно в среднем от 8 до 10 ч. свыше 43% студентов, при этом до 6 ч. в сутки умственно работали только 15,6% мужчин и 17,1% женщин, от 7 до 12 ч. – соответственно 77,5% и 79,2% человек, и свыше 12 ч. – 6,9% и 3,7%.

Поскольку посещение лекций тогда было необязательным, многие студенты в своих хронокартах отмечали только практические занятия. Особенно заметно это было на медицинских специальностях, где роль практических занятий традиционно преобладает, а также в тех учебных заведениях, где существовало обучение по Дальтон-плану. Например, студенты-медики МГУ на лекции затрачивали ежедневно в среднем 1 ч., на практические занятия – 3 ч., на самостоятельную подготовку дома – немногим более 3 ч. В то же время на педфаке Пермского университета лекции занимали 1,8 ч. в день, практические занятия – только 0,4 ч., а основная учебная нагрузка приходилась на внеаудиторную проработку материала – 3,5 ч. В этом вузе исследователи пришли к выводу, что чем больше студентам читалось лекций, тем меньше они их слушали и больше времени затрачивали на домашнюю самоподготовку.

Многочисленные и трудные «минимумы» приводили к тому, что даже в дни отдыха самоподготовка достигала 4,5 ч. В Кубанском пединституте (КПИ) с переходом студентов на старшие курсы их интерес к лекциям ослабевал, а удельный вес практических занятий возрастал (в среднем 0,44 ч.). Учебная работа на дому составляла в среднем 4,2 ч., однако в дни подготовки к различным видам отчетности она занимала от 11 до 13 ч. Из-за неправильного планирования учебного дня студенты перерабатывали дома в 2-3 раза. Н. П. Марков отмечает, что самостоятельная работа на дому осуществлялась в основном за счёт лекций, которые в дни повышенной домашней работы студенты вообще не посещали. Итак, в провинциальных и педагогических вузах на домашнюю работу студентами отводилось больше времени, чем на лекции и практические занятия вместе взятые. Очевидно, это можно объяснить, как спецификой педвузов, где самостоятельная работа с книгой в определённой степени может компенсировать пропуск аудиторных занятий, так и недостатком высококвалифицированных лекторов на периферии [РГАСПИ. ф. 17, оп. 60, д. 535, л. 26; 21, с. 63-65; 10, с. 46; 3, с. 196-197; 7, с. 40-42; 11, с. 8-12; 23, с. 45].

Общественно-политическая работа студентов не может быть адекватно отражена в среднестатистических показателях, поскольку по этой позиции бюджета времени в вузе (наряду с работой по найму) существовала самая большая разница между общей средней нагрузкой и средней нагрузкой фактически занятых (не более 30-35%) наиболее активных студентов. Наибольшую нагрузку несли члены партии и комсомола, а также студенты-пролетарии. У них средняя ежедневная общественно-политическая нагрузка составляла примерно 1,5-2 ч., а пики загруженности достигали порой 10-11 ч. в сутки. На рабфаке в общественную работу было вовлечено большее количество студентов, однако там существовала дифференциация между студентами дневного и вечернего отделений. Если студент дневного отделения затрачивал на общественную работу в среднем 1,3 ч. ежедневно (из них 67% уходило на работу внутри рабфака), то студент-«вечерник», нагруженный общественной работой в среднем 1 ч. в день, 88% нагрузки выполнял вне рабфака.

К сожалению, источники не позволяют дифференцировать эту нагрузку по видам (партийная, комсомольская, общественная работа и т. д.). Для беспартийных студентов общественная деятельность, как правило, заключалась в посещении общих собраний курса. Члены партии и комсомола, активисты-пролетарии участвовали в работе ячеек МОПР, Авиахима, общества «Долой неграмотность», в шефских и предметных комиссиях, в ячейке общежития, в комсомольских и партийных ячейках. При этом студенты-коммунисты в провинции по причине дефицита партийных кадров более активно, чем студенты столичных вузов, использовались для общественной работы. Студенты-первокурсники больше привлекались к общественной работе, нежели старшекурсники.

Материалы обследования медфака МГУ показывают, что «общественники» тратили на общественную работу в среднем 1,7 ч. ежедневно, тогда как «необщественники» – всего 0,8 ч. Данные М. Альтшулера (Пермский университет) позволяют провести более подробную дифференциацию внутри партийно-пролетарской группы учащихся. Студент-партиец в среднем в будний день расходовал на общественную работу 2,4 ч., в то время как член профсоюза – только 0,8 ч. Если эти затраты времени у членов профсоюза не зависели от половой принадлежности, то у партийцев загруженность студента-юноши была вдвое больше, чем девушки (соответственно 3,1 ч. и 1,6 ч.). В КПИ общественная работа составила всего 23,9% обследованных дней (в среднем 0,62 ч. бюджета времени студента). Однако неплановый характер этого вида занятости приводил к резким колебаниям общественной нагрузки. Эта работа могла отнимать у студента нередко менее часа в день, а иногда – до 11 ч. в сутки. Статистические данные не дают оснований для вывода о том, что общественные нагрузки партийцев и пролетариев мешали их учебной работе. Только в одном вузе было обнаружено превышение затрат времени на академическую работу у «необщественников» по сравнению с активистами всего на 40-55 мин., в остальных обследованиях эти затраты были одинаковыми. Тем не менее, можно предположить, что это сказывалось на качестве и продуктивности учебной работы активистов, а также отражалось на их психофизиологическом состоянии [РГАСПИ. ф. 17, оп. 60, д. 535, л. 26; 21, с. 65-67; 10, с. 46; 3, с. 198-203; 7, с. 44-46; 11, с. 13-14; 23, с. 46].

К вспомогательному труду и самообслуживанию относились расходы времени на приём пищи, уход за собой и передвижение к месту учёбы и обратно. На питание студенты в среднем тратили 1-1,3 ч. в день. Только в Кубанском пединституте и университете им. Свердлова студенчество успевало принять пищу за 0,8 ч. и 0,91 ч. соответственно. Быстрее питались студенты, проживавшие в общежитии: порой они ухитрялись принять скудную пищу в течение нескольких минут. Расходы времени на питание напрямую зависели также от количества приёмов пищи. «Домашние» студенты, как правило, питались чаще, чем проживавшие в общежитиях. Обследование московского педфака показало, что 60% студентов питались всего 1-2 раза в день, и только 7% учащихся кроме завтрака, обеда и ужина имели полдник в виде чая. Большинство студентов КПИ (57,9%) питалось 2-3 раза в день, ещё 24,6% питалось от 1 до 3 раз в сутки. Регулярность приёмов пищи отсутствовала практически во всех обследованных вузах. Более или менее устойчивым было обеденное время – примерно с 12 до 14 ч. Нередко обед передвигался на 16-17 ч., иногда даже до 11-12 ч. ночи. Встречались случаи, когда студент вовсе не обедал (2% московских медиков). Ещё менее регулярными были завтрак и ужин. Часто

случалось, что у студента, проживавшего в общежитии, поздний завтрак объединялся с обедом, а ужин вообще отсутствовал.

Уход за собой состоял из элементов личной гигиены и содержания в порядке своего жилища, одежды и обуви. В среднем студенты тратили на эти виды деятельности от 0,5 до 1 ч. в день. В КПИ затрачивали 1,8 ч., но иногда на эту работу уходило менее 0,25 ч. Данная позиция бюджета времени нивелировала различия между студентами, жившими в общежитии и дома, что свидетельствует о плохой материальной обеспеченности студенческого быта. Если студенты, проживавшие в семье, затрачивали меньше времени на ремонт одежды и обуви, уборку помещений, то жильцы общежитий не имели возможности продолжительного совершения утренних и вечерних гигиенических процедур. Независимо от условий проживания девушки тратили на работу по самообслуживанию больше времени, чем юноши, проживавшие в таких же условиях. Кубанские девушки, проживавшие в квартирах, расходовали на эти цели в 2 раза больше времени, чем юноши, а студентки, проживавшие в общежитии – втрое больше. В разделе «вспомогательный труд» любопытна такая статья расходов времени, как передвижение. В среднем студент на дорогу к месту учёбы затрачивал около 2 ч., у некоторых это время составляло до 4,5 ч. в день. Причины таких нерациональных затрат времени заключались в отдалённости места жительства студентов от расположения вузов, а также в скудности студенческого бюджета, не позволявшего передвигаться на трамвае. Н. Азволинская красочно описывает, как она ежедневно сэкономила на трамвае и ходила с подружкой голодная пешком через Неву даже при пронизывающем ветре [1, с. 129]. Вместе с тем, многие пролетарские студенты, враждебно встретившие «упадочнические» записки Азволинской, получали ежемесячно 30 талонов на трамвай и столько же обеденных талонов [22, с. 18]. При этом они считали, что «не вредно» ездить на трамвае бесплатно и предпочитали садиться в переполненные вагоны, действуя по принципу: «Ежели народу много – напирай, доедешь» [2, с. 63]. Две трети московских студентов-медиков проживало на расстоянии от 1 до 3 км от вуза, а каждый десятый студент – в 3-7 км от *alma mater*. Много времени отнимало передвижение между учебными корпусами, размещавшимися на значительном расстоянии друг от друга. В провинции в этом отношении было легче. Студенты КПИ тратили на передвижение по городу в среднем 1,2 ч., что для масштабов Краснодара было даже много. Эти затраты времени объяснялись неоднократным посещением института в течение дня, а также перемещением по городу для выполнения общественной работы [РГАСПИ. ф. 17, оп. 60, д. 535, л. 26; 21, с. 59-63; 10, с. 43, 47-48; 5, с. 119-123; 11, с. 15-18, 24-25].

Позиция «хозяйственно-экономическая занятость» включала в себя такие статьи бюджета времени студентов как служба или работа по найму и работа в помощь семье. Это вовсе не означает, что обе

названные статьи были представлены в бюджете времени каждого студента. Напротив, чаще всего студент ограничивался какой-либо одной работой или, по крайней мере, она была основным видом его хозяйственно-экономической занятости. В крупных центрах с обилием контор и различных учреждений было легче трудоустроиться, чем на периферии. Поэтому в КПИ только 17,5 % обследованных студентов имели дополнительный заработок. Кроме того, большое значение имела учебная специальность, партийность и происхождение студента. Суммарные среднесуточные затраты времени на службу в советских учреждениях составляли в ПГУ 1 ч. в будние дни и 0,9 ч. в дни отдыха. Студенты-медики МГУ тратили в среднем на службу всего 25 мин. Данные цифры не отражают реальную картину, поскольку платной службой занимались лишь немногие студенты, которым повезло с трудоустройством. У педфаковцев МГУ этот показатель не превышал 15-20 %, в педтехникуме им. Троцкого – только 5%. Кроме того, приработок нередко имел случайный характер и был непродолжительным по времени, что затрудняло его отслеживание в период бюджетных обследований. В Кубанском пединституте служба для заработка составляла в среднем 0,3 ч. Если суммарные средние показатели разделить на количество реально занятых студентов, то на каждого служащего пермского студента приходилось 4,5 ч. Преимущественно это были студенты-пролетарии, которые больше нуждались в дополнительной зарплате и одновременно имели больше шансов найти работу. При этом студенты-профсоюзники были заняты по службе больше студентов-партийцев (в ПГУ соответственно 1,5 ч. и 0,5 ч.). Это объясняется тем, что партийцы были лучше обеспечены стипендиями, а также более заняты общественно-политическими нагрузками. Старшекурсникам было легче устроиться по специальности, поскольку они обладали большей суммой знаний и навыков. Если все студенты-медики 3-го курса в среднем были загружены платной службой 7 мин. в день, то к 5-му курсу эта занятость возрастала до 47 мин. Резкой диспропорцией с этими данными выглядит занятость студентов-«вечерников» рабфака, составлявшая до 6 ч. в день.

Позиция «домашний труд в семье» также относилась не к каждому студенту. В малаховском педтехникуме (как и на педфаке МГУ) расход времени по этой позиции указали только 50% студентов. Это объясняется тем, что большая часть обследуемых студентов ещё не успела обзавестись своей семьёй, но от родительского дома уже была оторвана. Непролетарское студенчество, преимущественно проживавшее дома, уделяло помощи семье значительно больше времени по сравнению с пролетарским. В ПГУ непролетарские студенты в среднем тратили на домашний труд 3,7 ч. ежедневно, тогда как студенты-пролетарии – всего 2,4 ч. Непролетарские студенты в провинции происходили, как правило, из не богатых семей служащих, мелких торговцев, кустарей, духовенства

и т. п. Их родители имели возможность оплачивать учёбу своих детей, но не могли содержать домашнюю прислугу, поэтому значительная часть семейных забот ложилась на плечи учащихся детей. Пролетарские студенты, занятые в будние дни учёбой, общественной работой и службой, имели больше возможности работать по хозяйству в выходные и праздничные дни. Так, пермские студенты-партийцы в рабочие дни помогали семье в среднем 2,3 ч., а в выходные – 3,1 ч.; студенты-профсоюзники соответственно 2,4 ч. и 3,5 ч. У девушек помощь семье превышала в среднем показатели юношей на 20-25 мин. Кроме того, на занятость по этой статье бюджета времени немалое влияние оказывал уклад жизни конкретной семьи, состояние здоровья и занятость родителей, количество и возраст других детей в семье. По отметкам студентов малаховского педтехникума, занятых домашним трудом, получилась такая картина: 47% учащихся отдавали этому виду занятости до 2 ч. в день, 40% – до 4 ч. и 13% – свыше 4 ч. Проживавшие в общежитиях компенсировали отсутствие домашнего труда коллективным самообслуживанием – уборкой помещения, закупкой продуктов, дежурством по общежитию и т. д. [12, с. 109; 8, с. 97; 14, с. 79, 82; 3, с. 198-203; 7, с. 42-44; 5, с. 130, 131; 21, с. 59-63; 10, с. 43, 47-48; 5, с. 119-123; 11, с. 15; 23, с. 46].

Позицию «отдыха» целесообразно дифференцировать по таким её компонентам, как сон и досуг. Практически все результаты обследований свидетельствуют о том, что совокупный студент 20-х гг. хронически недосыпал. Ни в одном из обследованных учебных заведений не был зафиксирован студенческий сон в рабочие дни, равный или превышавший 8-часовую норму. Самый высокий средний показатель – 7,91 ч. – был зарегистрирован в Кубанском пединституте; в Коммунистическом университете им. Свердлова он составил 7,7 ч. В ПГУ и на медицинских факультетах МГУ студенты спали в среднем 7,1 ч. в день. К тому же были обнаружены заметные колебания продолжительности сна в зависимости от академической и общественной загруженности. Так, у студентов педтехникума им. Профинтерна минимальная продолжительность сна в наиболее напряжённые учебные дни составила 5,4 ч., максимальная (в воскресные и пасхальные дни, на каникулах) – 9,4 ч. У кубанских студентов обнаружены хаотичные колебания продолжительности сна в течение одной недели от 5 ч. до 14,4 ч. Нерегулярное время отхода ко сну ещё больше усугубляло недосыпание. Если 85% кубанских студентов ложились спать в интервале между 9 ч. вечера и 12 ч. ночи, то подавляющее большинство студентов-медиков МГУ (82%) ложились спать между 12 и 2 часами ночи. На продолжительность сна и время отхода ко сну влияло время начала учебных занятий. Студенты, у которых учебный день начинался в 8 ч. утра, обычно ложились спать раньше. Однако занятия во многих вузах тогда проходили в интервале от 18 до 23 ч. вечера. Студенты, не

занимавшиеся общественной работой, спали в среднем на 0,5 ч. больше активных общественников. У семейных студентов сон был более продолжительным, чем у студентов, не состоявших в браке. Юноши в среднем спали меньше девушек; студенты младших курсов больше недосыпали по сравнению со старшекурсниками. Постоянное недосыпание сказывалось на общей трудоспособности, и студенты при малейшей возможности стремились компенсировать потерянные минуты отдыха. Как отмечал М. С. Бернштейн, «наступает нерабочий день – молодёжь спит лишний часок; наступает перерыв в занятиях – молодёжь отсыпается; занятия переносятся на послеобеденное время – молодёжь опять-таки вознаграждает себя за систематическое и хроническое недосыпание; когда обстоятельства позволяют, молодёжь, наконец, не прочь поспать и днём часок-полтора» [5, с. 132]. Упорно занимающихся студентов одолевала хроническая бессонница. Студент Андрей Юров жаловался в письме другу:

«Прозанимаешься весь день людской до глубокой ночи; башка перестаёт варить, тело дряблое, точно мясо, вываренное в супе; работать больше уже не в состоянии, ляжешь на койку, а заснуть не можешь. Час, другой, третий ворочаешься с боку на бок, пока не заснёшь. Всякий шорох тогда нервирует, даже тиканье часов приводит в ярость. А в возбуждённом мозгу, по его торным тропинкам, бродят взводами различные мысли. Усталое тело требует отдыха, а возбуждённый долгой работой мозг не успокаивается» [19, с. 37].

Время отдыха, оставшееся за вычетом сна, являлось единственным по-настоящему свободным временем, которым мог единолично распоряжаться каждый студент. Этого времени было немного. В среднем «чистый» досуг студентов-медиков МГУ составлял 1,7 ч., студента-пролетария в ПГУ – 1,9 ч. У студентов КПИ свободное время в течение полной недели составляло 2,8 ч., однако сюда входило и бесцельное времяпрепровождение, составлявшее в среднем 1 ч. Самым продолжительным зафиксирован отдых у «свердловцев» (2,9 ч.), но из документа не ясно, относятся эти данные только к будним дням, либо учитывают и выходные дни. В дни отдыха время на развлечения увеличивалось примерно вдвое. Чаще всего свободное время посвящалось индивидуальному домашнему чтению периодики и художественной литературы, хождению в гости, посещению выставок и музеев, клубных вечеров, прослушиванию музыки, настольным играм. Реже (не более 0,5 ч. в день) студент мог позволить себе более интересные развлечения – посещение кино и театра. По отдельным категориям студентов ПГУ выяснилось, что непролетарские студенты располагали большей возможностью для досуга по сравнению со студентами-пролетариями (в среднем на 1,2 ч.). У партийцев свободный отдых был короче, чем у членов профсоюзов (примерно на 0,4 ч.). Юноши в среднем на 0,5 ч. отдыхали больше девушек. Досуг холостяков незначительно превышал по времени свободный отдых семейных

студентов. Общим для всех категорий студенчества было то, что их досуг чаще всего состоял из разрозненных, порой случайных отрезков времени, что не позволяло заранее спланировать и с пользой для себя провести драгоценные минуты отдыха. Нередко «отдых» заключался в простаивании в очереди в столовой, в ожидании начала занятий из-за опоздания преподавателя. Примечательно, что практически во всех хронокартах зафиксировано очень мало времени, отводимого на физкультуру и спорт – в среднем не более 3-5 мин. в день на каждого студента. Эти занятия носили случайный характер. Кубанские студенты-педагоги затрачивали на физкультуру в среднем 0,12 ч. (юноши тратили 10 мин., девушки – 4,5 мин.). Студенчество в большинстве своём не стремилось к смене умственного труда физическим, не было мотивировано на совершенствование своего тела [РГАСПИ. ф. 17, оп. 60, д. 535, л. 26; 23, с. 46; 21, с. 57-59, 69-71; 7, с. 43, 44, 46, 49; 5, с. 131-133; 3, с. 197-202; 14, с. 79, 82-85; 12, с. 104, 109; 8, с. 88, 92-95, 100-101; 11, с. 15, 16, 19-24].

В 1926 г. были сокращены студенческие каникулы общей продолжительностью до 2,5 месяцев в год. Связано это было в основном с невыполнением учебных программ. Формальное объяснение заключалось в том, что студенты сильно устают и не успевают отдохнуть во время каникул. Однако истинная причина заключалась в том, что по новым правилам отменялись религиозные каникулы. Несмотря на пропаганду атеизма, многие студенты подчинялись традиционному календарному циклу, разъезжались по домам отдохнуть на рождественские и пасхальные каникулы. Студенты безуспешно пытались добиться того, чтобы им предоставлялись каникулы по-прежнему трижды в году: зимние (14 дней), весенние (10 дней) и летние (2,5 месяца) [9, с. 17; 17, с. 13]. Однако это противоречило ригористической политике главпрофобра. По новому Положению о вузах совокупное время, отводимое на каникулярные отпуска, не превышало 2 месяцев [18, с. 23].

В заключение приведу выдержки из двух статей о расходовании времени рабфаковцами, направленных в журналы «Знамя рабфаковца» и «Красное студенчество». В отличие от количественных данных бюджетных обследований эти отчасти наивные строки весьма колоритно рисуют студенческую повседневность:

«Утро. Ровно в 8 часов белый металлический звонок поднимает всю братву на ноги. У каждого есть в своём распоряжении ¼ часа. Ровно в 9 часов, вооружившись карандашами, все должны сидеть на твёрдой скамье, слушая 6-часовые лекции по истории классовой борьбы, истории культуры и т.д. В 2 ч. 15 мин. все – в общежитии. До 4 часов – обед. После чего – кто куда: кто за газету, кто за книгу, кто пишет письмо своим подшефникам <...> Вечер. Опять в руках у тебя острый карандаш,

которым быстро перекидываешь цифры – математика. Так совместные занятия продолжаются до 11 час. вечера. Остался один час, ребята постановили заниматься до 12, дабы не было переутомления <...> Пробыл 12-й час. Все в кроватях. Спят». [ГАРФ. ф. а-1565, оп. 12, д. 150, л. 92, 93].

«Заведённый на пять с половиной часов будильник резко, резко зазвенел. Он поднял с подушки лицо, каждая чёрточка которого кричала: “Я не выспался” <...> надо вставать, приготовить себе завтрак, ехать две с половиной станции на работу и заодно посмотреть записки по физике и политэкономии. Ведь сегодня по физике контрольная, а по политэкономии спрашивать будут. В хлопотах по уборке, в возне с примусом незаметно пробегают время. <...> Одна надежда: в трамвае будет не очень тесно, и он развернёт тетрадки, чтобы хотя бы посмотреть, как выглядят эти ужасные формулы физического маятника, линз и т. п. <...> Ровно в 8 часов повесил свой номер, и направился прямо к станку <...> Медленно подползает стрелка к 12 часам, к обеденному перерыву <...> Гудок. Быстро собрав инструменты, умывшись, отыскивает где-нибудь на заводе тихий уголок, где наряду с аппетитным чавканьем вчерашней холодной котлеты он прочитывает свои тетрадки <...> Не успел как следует пристроиться заниматься, и мозг прорезает ужасное для него воспоминание: после работы он ещё позавчера назначил заседание бюро партийной ячейки... Это значит, что он сегодня не успеет пообедать до рабфака, это значит, что не успеет подготовиться к занятиям <...> Заседание бюро кончилось в шесть часов десять минут. Сложив голову, бежит на рабфак, опоздал на двадцать минут... Запыхавшись, берёт тему контрольной работы и, даже не успев привести мысли в порядок, начинает писать <...> Дребезжание звонка напоминает о необходимости кончать контрольную работу, приходится сдавать только черновик... <...> Спать хочется чертовски. <...> Как партизанист, он на хорошем счету у преподавателя по политэкономии, он это чувствует, и начинает дремать. Последний звонок прерывает начавшийся сон. Стремглав вскакивает, бежит одеваться. Скорее есть (ведь с 12 часов ничего не ел) и спать. А завтра так же будет будить будильник, звать гудок, тревожить другая контрольная» [13, с. 6].

Таким образом, обследование бюджетов времени показало, что у студентов 1920-х гг. наблюдалась большая совокупная перегрузка. Многие студенты из-за слабой общей подготовки отставали в учёбе, другие не умели рационально распределить своё время. Недостаток аудиторных занятий студент компенсировал домашней работой. Учебная перегрузка сказывалась на недостатке отдыха и сна. В провинции было больше возможности отдохнуть и заняться учёбой, поскольку там меньше времени уходило на передвижение к месту занятий, меньшей была общественно-политическая нагрузка и было меньше возможности для развлечений. В целом студенты недосыпали,

* Более полный вариант фрагментов публикаций приведен в монографии А. Ю. Рожкова [20, т. I, с. 310-311].

недоедали и мало занимались физкультурой, что не могло не отразиться на качестве их успеваемости и состоянии здоровья.

Примечания

1. *Азволинская Н.* Записки вузовки / Н. Азволинская // Октябрь. – 1929. – № 1.
2. *Антра.* «Гальяновка» живёт / Антора // Красное студенчество. – 1926. – № 2.
3. *Альтшулер М.* Бюджет времени пролетарского студенчества / М. Альтшулер // Молодая гвардия. – 1924. – № 4.
4. *Артемьев В. А.* К истории возникновения исследований бюджетов времени / В. А. Артемьев // Социологические исследования. – 2003. – № 5.
5. *Бернштейн М.* О чём говорят наши цифры // Бюджет времени нашего молодняка / Под ред. М. Бернштейна, Н. Рыбникова. – М.; Л., 1927.
6. *Большая советская энциклопедия.* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article002538.html>.
7. *Кекчеев К. Х.* Бюджет времени студентов / К. Х. Кекчеев // Научный работник. – 1926. – № 10.
8. *Колесникова А., Перова Т.* Бюджет времени студентов педагогического техникума им. Профинтерна / А. Колесникова, Т. Перова // Бюджет времени нашего молодняка. – М.; Л., 1927.
9. *Косякин И., Назин П.* О зимних каникулах в вузах и рабфаках / И. Косякин, П. Назин // Красное студенчество. – 1926. – № 9.
10. *Ласс Д. И.* Современное студенчество (Быт, половая жизнь) / Д. И. Ласс. – М.; Л., 1928.
11. *Марков Н. П.* Бюджет времени студента Кубанского педагогического института [рукопись] / Н. П. Марков // Личный архив А. Ю. Рожкова.
12. *Н. Р.* Бюджет времени слушателя подмосковного малаховского педтехникума // Бюджет времени нашего молодняка. – М.; Л., 1927.
13. *Николаев М.* Его день / М. Николаев // Красное студенчество. – 1929/1930. – № 9.
14. *Новиков В.* Бюджет времени слушателей педтехникума им. тов. Троцкого / В. Новиков // Бюджет времени нашего молодняка. – М.; Л., 1927.
15. *Патрушев В. Д.* Бюджеты времени: документированные свидетельства образа жизни людей / В. Д. Патрушев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/data/954/698/1219/012_Glava9.pdf.
16. *Патрушев В. Д., Артемьев В. А., Новохацкая О. В.* Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемьев, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. – 2001. – № 6.
17. *Польский Л.* К вопросу о каникулах / Л. Польский // Красное студенчество. – 1926. – № 10.
18. *Проект* нового положения о вузах // Красное студенчество. – 1929/1930. – № 9.

19. *Рафаил М. А.* За нового человека М. А. Рафаил. – Л., 1928.
20. *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2 т. / А. Ю. Рожков. – Краснодар, 2002.
21. *Семёнов М.* Бюджет времени московского педфаковца / М. Семенов // Бюджет времени нашего молодняка. – М.; Л., 1927.
22. *Шаренков Н.* Откуда дует ветер? / Н. Шаренков // Красное студенчество. – 1929. – № 18.
23. *Эпштейн Д.* Жизнь рабфаковца в цифрах / Д. Эпштейн // Красное студенчество. – 1925. – № 6-7.

УДК 94(477): 378

Світ повсякденності студентства радянської України в художній літературі і публіцистиці 1920-х – початку 1930-х років

Рябенко О. Л.

Рябенко О. Л. Світ повсякденності студентства радянської України в художній літературі і публіцистиці 1920-х – початку 1930-х років. У статті автор виділяє характерні для 1920-х рр. образи студентів, відображені публіцистами та українськими письменниками у художніх творах. На конкретних прикладах доводиться, що ці образи сприяли формуванню у читачів визначеного погляду на студентську молодь того часу, форми її поведінки та стратегії отримання освіти у специфічних соціально-політичних умовах.

Ключові слова: студенти, публіцистика, художня література, образ.

Рябенко О. Л. Мир повседневности студенчества советской Украины в художественной литературе и публицистике 1920-х – начала 1930-х годов. В статье автор выделяет характерные для 1920-х гг. образы студентов, отобразенные публицистами и украинскими писателями в художественных произведениях. На конкретных примерах доказано, что эти образы способствовали формированию в читателей определенного взгляда на студенческую молодежь того времени, формы ее поведения и стратегии получения образования в специфических социально-политических условиях.

Ключевые слова: студенты, публицистика, художественная литература, образ.

© Рябенко О. Л.